

Ожог

Поля пестрели цветами, над которыми порхали бабочки. С листьев на землю падали капли росы. Трава была влажной, и обувь Сун Чансюя промокла. В коробе у него лежала сменная пара, которую он переобувал у наставника Ли.

Прошлой ночью брат замесил тесто с мясной начинкой и рано утром приготовил на пару пирожки. Сун Чансюй, торопясь, схватил два и ел на ходу.

Наставник Ли объяснял материал по книге и комментариям к ней. Иногда у Сун Чансюя возникали вопросы, и он обращался к учителю за разъяснениями. Его редкое усердие радовало наставника, но, по словам Линь Пу, любимчиком учителя был Фэн Синь'оу из деревни Линлай. Сун Чансюй видел его — каллиграфия у него была безупречной, к учёбе он относился серьёзно и всегда был первым в классе. Неудивительно, что наставник Ли его выделял. Сун Чансюю же было всё равно, он не гнался за славой, а хотел лишь получить прочные знания.

Добравшись до деревни Линьшуй, он оставил свой короб и принялся за чтение. Деревня располагалась в живописном месте, у реки, у подножия горы. Наставник Ли, накормив завтраком свою старую мать, вышел к ученикам. Увидев, что Сун Чансюй уже на месте, он одобрительно кивнул. В последнее время тот делал большие успехи. Его вчерашние записи были аккуратными и содержательными. Хоть он и отставал от других, но трудолюбие могло это исправить. Все пятнадцать его учеников были молоды, а молодость — это возможность.

Ему самому было пятьдесят четыре. У него были жена, мать, дети. Если бы он посвятил себя подготовке к экзаменам, некому было бы зарабатывать на жизнь. К тому же, он втайне уже отчаялся. В своё время он сдал уездный, окружной и академический экзамены, хоть и с невысокими результатами. Экзамен на степень цзюйжэня он провалил четыре раза. Жена и дочери поддерживали его, но денег в доме не было. Они испортили себе зрение, вышивая платки. Когда он опомнился, мать заболела, жена и дочери исхудали, а сын, лишённый отцовского внимания, вырос робким и ранимым. Пора было остановиться. Семья нуждалась в нём.

Увидев, что все ученики в сборе, наставник Ли ударил линейкой по столу, призывая к тишине.

— «Постижение знания заключается в исследовании вещей. Это означает, что для того, чтобы расширить своё знание, необходимо изучать вещи и докапываться до их сути. Ибо дух человеческий не может не обладать знанием, а вещи в мире не могут не обладать сутью...»

После урока наставник Ли позвал к себе Фэн Синь'оу. Линь Пу толкнул Сун Чансюя локтем.

— Видишь? Говорю же, он его любит. По-моему, он станет зятем наставника.

— У учителя свои причины, — ответил Сун Чансюй. — Наше дело — учиться.

Линь Пу не ожидал от него такого спокойствия. Раньше, когда он говорил ему подобное, Сун Чансюй всегда возмущался. Потеряв интерес, он шепнул:

— А ты сам веришь, что сможешь сдать экзамен на сюцяя?

Они жили в уезде Цзиньхэ, что в области Юньчжоу. Говорили, что в каждом уезде на каждом экзамене отбирали около тридцати человек. Учитывая тех, кто сдавал уже не в первый раз и был опытнее их, шансы были невелики. Линь Пу решил, что если провалится, пойдёт работать счетоводом в город. Умея читать и писать, он мог избежать крестьянского труда. На успех он не надеялся.

— Не попробуешь — не узнаешь, — задумчиво ответил Сун Чансюй.

Линь Пу до конца урока пребывал в изумлении.

В полдень они разогревали свои обеды на кухне наставника Ли. Сун Чансюй сидел на стуле, пил воду из бамбуковой фляги и плёл из сорванной травинки кузнечика. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, играли на его лице. Высокая переносица, светлая кожа, длинный халат, подчёркивающий стройную фигуру.

Линь Пу, изнывая от голода, следил за огнём.

— Готово! Можно есть! — наконец объявил он.

Фэн Синь'оу отвёл взгляд от Сун Чансюя. В последнее время тот стал серьёзнее, и Фэн Синь'оу почувствовал укол ревности.

Сун Чансюй спрятал сплетённого кузнечика в рукав и пошёл за своей едой. Едва он сел, как рядом примостился Линь Пу, с любопытством заглядывая в его коробочку. У самого Линь Пу был мапо тофу, тушёные овощи с чесноком и баклажаны с перцем — выглядело очень аппетитно. У Сун Чансюя — яичница с луком, салат из водяного шпината и острый перец.

— Давай меняться, — предложил Линь Пу.

Сун Чансюй кивнул. Так у них получилось шесть блюд на двоих. Увидев, как они весело едят, к ним присоединились и другие ученики. Сун Чансюй поделился с ними своими солёными овощами и редькой, которые всем очень понравились.

Фэн Синь'оу ел в одиночестве.

***

Сезон сбора бамбука закончился. Сюй Чжичжоу, продав сушёные побеги, заработал двести медных монет и был очень доволен. В их семье не требовали, чтобы дети отдавали заработанное, так что все деньги он мог оставить себе. Сюй Чжицы, будучи более трудолюбивым, заработал триста. Сколько заработали родители, было неизвестно.

— Вот бы почаще так, можно было бы накопить, — сказал Сунь-гэ'эр, забрасывая в реку сеть.

В погожий день, когда не было дел, он взял у брата сеть и пошёл на реку — свежий улов отлично подходил для вечернего супа.

Сюй Чжичжоу, сняв обувь, зашёл в воду по щиколотку.

— А я рыбу ловить не буду, буду только есть.

— Когда попадётся, придётся тебе помочь мне вытащить, — рассмеялся Сунь-гэ'эр.

Сунь Люйчжэнь был ровесником Сюй Чжичжоу, и недавно его тоже сосватали — за третьего сына из семьи Бай из соседней деревни. Говорили, что семья у них дружная, три брата во всём помогают друг другу и живут в достатке. Жених, охотник, увидел Сунь Люйчжэня на ярмарке в Шуйбо и послал сваху. Семья Сунь, наведя справки и убедившись, что семья Бай — люди порядочные, дала согласие.

— Мне тот парень из семьи Бай не нравится, — сказал Сюй Чжичжоу, сжимая руку друга. — Ты подумай хорошенько.

— Я только тебе сказал, что мы с Бай Юанем... об этом ещё никто не знает. А мне он кажется неплохим человеком, — ответил Сунь Люйчжэнь.

Сюй Чжичжоу фыркнул. Ему казалось, что никто не достоин его друга.

Вдруг сеть заходила ходуном.

— Чжичжоу, тащи скорее, а то уйдёт! — крикнул Сунь Люйчжэнь.

Они вдвоём вытащили сеть. В ней билось семь или восемь рыб, да ещё попалась мелкая рыбёшка и креветки. Закинув сеть ещё раз, они разделили улов.

— Сеть у меня плохая, не то что у брата, — сказал Сунь Люйчжэнь.

— И на том спасибо, — ответил Сюй Чжичжоу.

Поплескавшись в воде, они с весёлым смехом разошлись по домам.

— Неплохой улов сегодня, — сказал Сюй Чжицы, увидев рыбу. — Одну можно приготовить на пару, а остальную засушить.

Когда Сун Чансюй готовил пирожки, он прислал им. Теперь, поймав рыбу, Сюй Чжицы сварил суп и велел Сюй Чжичжоу отнести его в дом семьи Сун. Он рассчитал так, чтобы тот встретил Сун Чансюя, возвращающегося из Линьшуй. Сюй Чжичжоу, взяв миску с супом, в который брат добавил побольше креветок — говорили, они делают людей умнее, — отправился в путь.

Вечерний ветер трепал его волосы. По дороге его встретили соседки.

— Куда это ты? — спросили они.

— Да так, гостинец несу, — улыбнулся он.

Женщины переглянулись с понимающими ухмылками. Все знали, кому он несёт. Обмен угощениями между помолвленными был обычным делом. Да и вообще, в деревне было принято делиться с соседями.

«Повезло же семье Сун», — подумали они, вдыхая ароматный запах рыбного супа.

Сюй Чжичжоу, смутившись, ускорил шаг. На тропинке, где никого не было, он вздохнул с облегчением, но, задумавшись, чуть не врезался в кого-то. Чья-то рука остановила его, и он уткнулся лбом в тёплую ладонь.

Перед ним стоял Сун Чансюй — высокий, в длинном халате, с красивым лицом и плотно сжатыми губами.

— Куда ты смотришь, когда идёшь?

Услышав его голос, Сюй Чжичжоу смутился, но тут же рассердился.

— Я тебе суп принёс! А ты меня напугал, вот я и чуть не врезался. Сам виноват!

Уголок губ Сун Чансюя дёрнулся. Он увидел, что немного супа выплеснулось, и пальцы Сюй Чжичжоу покраснели от ожога. Тот, сердито глядя на него, кажется, ещё ничего не почувствовал.

Сун Чансюй поставил свой короб на землю и взял у него миску. Суп был очень горячим, он и сам обжёгся.

— Вот и нёс бы свой суп обратно...

Он достал из рукава платок и, поймав руку Сюй Чжичжоу, принялся вытирать с неё суп. Тот замолчал.

Сун Чансюй смотрел на его руку. На ней были мозоли — хоть он и был избалован, но домашнюю работу делал. Пальцы были длинные, светлые. Теперь у основания большого пальца кожа покраснела. Даже сквозь платок он чувствовал жар.

— Дома приложи мокрую тряпку, — сказал он. — И не носи больше горячее.

Он достал из короба несколько диких ягод, сорванных по дороге, и вложил их в руку Сюй Чжичжоу.

— Суп расплескал, а сам и не заметил.

Он убрал миску в короб и поднял его.

Уши Сюй Чжичжоу пылали. Он смотрел на Сун Чансюя влажными глазами.

— Что ты... что ты понимаешь! Я просто... просто не заметил. И не смей больше хватать меня за руки! Что люди подумают? Хочешь опорочить мою репутацию?

На тропинке не было ни души, только где-то у околицы залаяла собака.

— Не забудь приложить холодное, — сказал Сун Чансюй и ушёл.

Сюй Чжичжоу остался стоять с ягодами и платком в руке.

— Ну и что это было? — прошептал он.

Сердце колотилось, на пальцах всё ещё ощущалось тепло его прикосновения. Рука, которой он коснулся, горела — то ли от ожога, то ли ещё от чего-то. Лицо пылало. Он впервые так близко соприкоснулся с посторонним мужчиной.

«Как он посмел схватить меня за руку? — злился он. — Просто хотел воспользоваться случаем».

Он надулся и пошёл домой.

— Суп отнёс? — спросил Сюй Чжицы.

Сюй Чжичжоу что-то невнятно промычал в ответ и, собираясь уйти к себе, вдруг свернул на кухню, чтобы опустить обожжённую руку в холодную воду.

— Обожглась? Больше не будешь носить горячее, — с сочувствием сказал Сюй Чжицы.

— Я сам нечаянно расплескал, — ответил Сюй Чжичжоу и, увидев, что брат подходит, торопливо спрятал платок Сун Чансюя в рукав.

Сюй Чжицы вспомнил, что у них осталась мазь от солнечных ожогов, которую в прошлом году использовал их отец. Она приятно холодила. Лицо у Чжичжоу тоже было красным.

— Да тут просто покраснение, мазать не нужно.

Сказав это, Сюй Чжичжоу ушёл к себе и запер дверь. Он достал платок. Ткань была хорошего качества.

«Если встречу, надо будет спросить, нужен ли он ему ещё. А если нет, оставляю себе».

Он прижал ладони к горящим щекам. Мысли путались, перед глазами стояло лицо Сун Чансюя, склонившегося над его рукой.

«А ресницы у него и вправду длинные».

Вскоре Сюй Чжицы позвал его ужинать.

***

В семье Сун все хвалили суп, говоря, что семья Сюй слишком щедра.

— Обмениваемся такими хорошими вещами, — сказала Лян Су. — Они такие чистосердечные.

— Раньше мы с ними не были близки, а теперь нужно чаще общаться, — заметил Сун Е.

Родни у них было мало. С семьёй Сюй они поддерживали ровные отношения. Помолвка была заключена из соображений равенства и потому, что они жили в одной деревне и хорошо знали друг друга.

— Ты прав, — согласилась Лян Су. Если семьи будут дружить, а молодые — ладить, то и жизнь будет хорошей.

Сун Чансюй слушал родителей вполуха. Умывшись, он вернулся в свою комнату и вспомнил, что у него есть мазь от укусов насекомых. Она хорошо снимала отёк и боль. Но было уже поздно, идти в дом Сюй было неудобно. Весна, дни стали длиннее, и после ужина солнце ещё не село.

Деревня утопала в лучах заката. Небо было оранжевым, на его фоне чернели силуэты деревьев. По дворам бродили кошки и собаки. Закат был похож на расплавленное золото, над домами вился дымок.

Сун Чансюй шёл по деревенской тропинке. Он увидел крышу дома Сюй, скрытую за вязом, и постучал.

Сюй Чжичжоу после ужина сидел во дворе. Услышав стук, Цао Цинь хотела было пойти посмотреть, но он её опередил.

— Я открою.

Открыв дверь, он подумал: «Хорошо, что это я».

На пороге никого не было. Он решил, что это чья-то шалость, но тут из-за угла вышел Сун Чансюй и сунул ему в руки мазь.

— Это для руки.

Сюй Чжичжоу закрыл дверь.

— Кто там? — спросила Цао Цинь.

— Никого, — ответил он, сжимая в рукаве баночку. — Наверное, дети балуются.

Сердце бешено колотилось. В деревне и вправду были озорники, любившие стучать в чужие двери, так что Цао Цинь больше не спрашивала.

Лёжа в постели, Сюй Чжичжоу намазал руку. Мазь приятно холодила. Он не мог уснуть, открыл окошко. На небе висела одинокая луна. Чёрный силуэт опёрся руками о подоконник, глядя на неё. Через некоторое время он размял затёкшие руки и исчез в темноте комнаты.

Ему снились светлые сны.

<http://bllate.org/book/13427/1195439>